

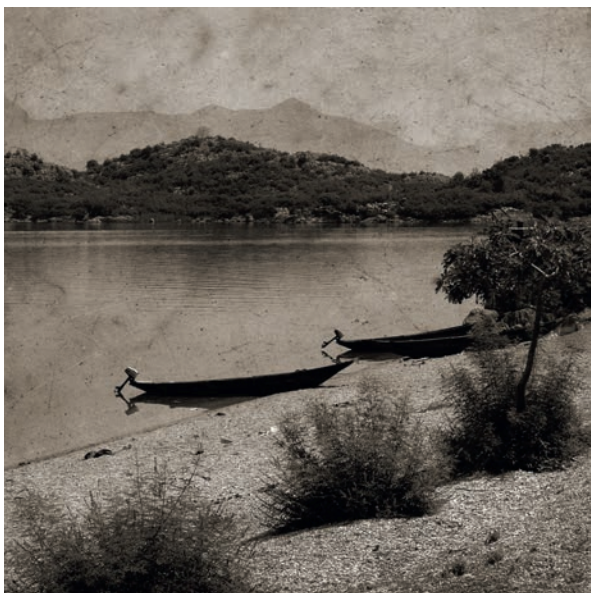
ВЛАДИМИР КЛАВИХО

— Там есть деревья, которым по 500–600 лет, уже распахшие стволы необыкновенной красоты, вдохновившие фотографа **Владимира Клавихо-Телепнева** на серию очень красивых работ

ВЛАДИМИР КЛАВИХО

ВЛАДИМИР КЛАВИХО

ВЛАДИМИР КЛАВИХО

ВЛАДИМИР КЛАВИХО

(около 60 лет) гонят лозу, делают из своего винограда сомнительного качества ликер, но люди они живописные, как в фильмах уже упомянутого Кустурицы. Старшие Орландичи (муж с женой лет под 80) делают козий сыр. То есть выпил и через 500 метров закусил. Это по-нашему.

Или — для любителей активного отдыха — можно пойти на зимнюю рыбалку, а можно сесть за руль и через три часа оказаться на невыдающемся, но симпатичном горнолыжном курорте, и этот контраст всегда радует: утром еще пил кофе в шортах под цветущим мандарином, к обеду добрался до горной деревни, где бородатые мужики в тулупах, не спрашивая, наливают стопку лозы у огня, потому что зима.

Ну а летом в нашей деревне кипит веселая жизнь: террасные вечеринки, домашние концерты, совместные прогулки на дальние пляжи, соседские обеды, потому что концентрация творческих людей на таком пяталке зашкаливает. Так уж сложилось, что местечко наше принимает определенный тип личности. А некоторых, бывает, и отвергает. Коммуна сложилась сама собой и очень быстро — как говорит Александр Галушкин, высокоученый муж из Академии наук и один из основателей колонии, «около всякого столпника неизбежно возникает монастырь». История эскапизма превратилась в сагу о переселении народов. Не успели мы купить первый домик в Лимане, как к нам присоединились архитектор Дмитрий Прокофьев и журналист Алексей Тарханов, за ними подтянулись Лунгины,

ВЛАДИМИР КЛАВИХО

Геннадий Йозефовичус, Любовь Шакс... ну да не в именах дело. Просто у нас приживаются художники, кинематографисты, журналисты, кураторы, продюсеры, промоутеры, галеристы, антиквары, музыканты — художественная интеллигенция, одним словом. Многих других наши бытовые сложности раздражают. В Ульцине нет — на наше счастье! — ни «Макдональдса», ни кинотеатра, на весь город, кажется, два фортепиано, активно используемые пианистами Полиной Осетинской и Алексеем Гориболом для репетиций и небольших концертов. У нас нет ничего шикарного, у нас можно ходить в семейных трусах и ситцевых сарафанах, у нас такая тесная семейная коммуналка, что я могу метнуть лимон на соседнюю террасу к их утреннему чаю. И мне всегда есть с кем поговорить.

Это и плюс, и минус. Минусов вообще много. В целом Черногория — славянская страна, и все здесь делается не так, как хочешь, и не тогда, когда надо, и не обязательно за те деньги, о которых договаривались. И это, конечно, южная страна. Главная, все объясняющая фраза — «полако, полако», то есть не торопясь, медленно. Спешить некуда. Первые дни от этого сходишь с ума, потом вытягиваешься и понимаешь, что твой мозг, похожий на сморщенный грецкий орех, наконец-то расправился и поплыл... И тогда важным становится принципиально другое: есть ли молодой сыр на базаре сегодня, что поймали рыбки, были ли звезды ночью и не убежало ли мое апельсиновое варенье. Худшие месяцы — июль—август. Страна не справляется с наплывом туристов, уровень сервиса не обсуждается — это вам не Лазурка: могут отключить воду или электричество, могут забыть ваш заказ в ресторане, да просто слишком много людей...

Лучшие месяцы — июнь и сентябрь. А по мне и все остальные тоже. Короче, если вы многое уже видели и готовы принять обстоятельства без истерики и не обращать внимания на мелочи, а также понимаете прелесть еще не до конца испорченных цивилизацией природы и людей — вам сюда. Если нет — не надо приезжать в наше секретное место.

А то вдруг сегодня осьминога не хватит на всех.

— **Сенад Цунгу, он же Ляппо**, из ресторана Aragosta, специалист по бараньим котлеткам. У Ляппо вкусно, всегда вкусно